

УДК 94(47)

С.В. Джунджузов*

«ПУГАЧЕВСКОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО» И СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЛМЫЦКОЕ ВОЙСКО

В статье рассматривается влияние восстания Е. Пугачева (1773–1774 гг.) на Ставропольское калмыцкое войско. Доказывается, что твердого классового разделения участия калмыков в гражданской междоусобице не было. Трагическим итогом «пугачевского замешательства» для Ставропольского калмыцкого войска стали невосполнимые людские потери.

Ключевые слова: Ставропольское калмыцкое войско, восстание Пугачева, невосполнимые людские потери.

Для жителей Урала и Поволжья восстание под предводительством Емельяна Пугачева обернулось настоящей гражданской войной. Колоссальный урон нанесла пугачевщина демографическому развитию и хозяйственному состоянию ставропольских крещеных калмыков.

Калмыцкое поселение в Среднем Поволжье начало складываться в 1737 г. из принимавших крещение калмыков. Их улусы размещались в радиусе 80–100 верст в окрестностях крепости Кунья Воложка, в 1739 г. переименованной в Ставрополь (ныне г. Тольятти. – С. Д.). По инициативе первого оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева поселение приобрело войсковой казачий статус, и в 1748 г. служилые калмыки-казаки вошли в состав Оренбургского нерегулярного корпуса.

Искаженное представление о Ставропольском калмыцком войске как о надежной опоре царского правительства в Оренбургском крае развеялось уже на начальном этапе Пугачевского восстания, осенью 1773 г. Калмыки с поразительной легкостью переходили на сторону пугачевцев, которые одним своим появлением наводили панику на деморализованные отряды правительственных войск. Как верно отметил исследователь калмыцкого казачества К.П. Шовунов, твердого классового водораздела участия калмыков в гражданской междоусобице не было. И на стороне Пугачева, и на стороне царского правительства воевали рядовые калмыки во главе со своими командирами, представителями калмыцкой феодальной верхушки [11, с. 138]. Выбор рядовых калмыков, как правило, зависел от мнения войсковых старшин и посулов, на которые не скупился Е.И. Пугачев в своих устных и письменных обращениях. В то же время используемый исследователями фактический материал не содержит доказательств, что выступление большей части калмыков на стороне пугачевцев носило антиколониальную направленность.

По стечению обстоятельств поселение крещеных калмыков оказалось в эпицентре казацко-крестьянского восстания. Поводы для недовольства имелись как у бедняцкой, так и у зажиточной группы калмыков. При этом рядовые калмыки не выходили из-под власти командиров, переметнувшихся к Пугачеву. Главная претензия войсковых старшин заключалась в отсутствии прав на покупку крепостных крестьян и

* © Джунджузов С.В., 2013

Джунджузов Степан Викторович (Djund@Yandex.ru), кафедра Оренбургского государственного педагогического университета, 460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

возможности эксплуатировать рядовых калмыков методами внеэкономического принуждения. Из этого следует, что присоединение ставропольских калмыков к пугачевщине носило стихийный характер, вызванный временным ослаблением царской власти в Волжско-Уральском регионе и возможностью безнаказанного ограбления зажиточных соседей.

Возглавил повстанцев представитель самого знатного калмыцкого рода, войсковой квартирмейстер Федор Иванович Дербетев. Он командовал отрядом, направленным из Ставрополя на подмогу осажденному пугачевцами Оренбургу. В районе Бузулукской крепости состоялась встреча Ф. Дербетева с командированным Е. Пугачевым яицким казаком Дмитрием Лысовым. Спустя несколько дней в штаб самозванного царя явилось 300 ставропольских калмыков [6, с. 201]. К этому времени к повстанцам присоединилась часть ставропольских калмыков, несших службу на Нижнеяицкой дистанции. 18 октября пугачевцам без боя сдалась команда, направленная из Оренбурга за сеном. Она состояла из 114 калмыков во главе с ротмистрами Михаилом Анчуковым и Василием Дербетевым (сыновьями оренбургского и ставропольского полковников).

Еще одна крупная партия из 500 крещеных калмыков пополнила ряды повстанцев 13 ноября 1773 г., после поражения под Оренбургом отряда правительственных войск полковника Чернышева [6, с. 205, 207].

Е.И. Пугачев произвел Ф. Дербетева в атаманы и отправил в Ставропольский уезд. 25 декабря отряды казачьего атамана И. Арапова и Ф. Дербетева овладели Самарой. Уже с октября месяца Самарский и Ставропольский уезды были охвачены крестьянскими волнениями. Заметную роль в них играли калмыки, из которых 2 тыс. человек влились в отряд Дербетева.

20 января 1774 г. возглавляемые своим атаманом калмыки ворвались в Ставрополь. Находившиеся в крепости 249 солдат сдались, не сделав ни единого выстрела. Повстанцы захватили 6 пушек, до 200 ружей, боеприпасы, склады с провиантом и фуражом. Разграбив дома состоятельных горожан и не дожидаясь подхода правительственных войск, они покинули город. В плену у восставших калмыков оказалась вся городская верхушка: комендант Ставропольской крепости фон Фегезак, секунд-майор П. Алашеев, воеводский товарищ С.В. Милькович, отставной секунд-майор А.С. Карачаев и секретарь провинциальной канцелярии С. Микляев. Первые четверо были биты в 70 верстах от Ставрополя, вблизи села Буяны, а Микляев – возле деревни Каменки [10].

После опустошения Ставрополя Ф. Дербетев решил отвести свой отряд к Красному Яру. Осуществить задуманное помешала неожиданная встреча с 22-й легкой полевой командой правительственных войск, которая занималась заготовкой продовольствия. Командир команды подполковник Гринев не растерялся и навязал повстанцам бой. В результате внезапной атаки калмыки потеряли 120 человек убитыми и 40 захваченными в плен. Отступая, Дербетев вынужден был оставить неприятелю пять из семи захваченных в Ставрополе пушек и три бочки пороха [6, с. 218; 1, с. 32; 2, с. 89–90].

Преследуемый превосходящим противником, Ф. Дербетев решил прорываться к Оренбургу на соединение с основными силами Е. Пугачева. Вместе с Дербетевым сорвались с насиженных мест до 2 тыс. кибиток ставропольских калмыков. В районе Сорочинской крепости к ставропольцам присоединились кочевавшие вблизи Самарской линии оренбургские калмыки.

Из показаний подполковника И.Л. Милковича и калмыцкого хорунжего Ставропольского войска В.Ф. Буратова, датированных 25 мая 1774 г., следует, что после поражения пугачевцев 22 марта 1774 г. в сражении под Татищевской крепостью и

бегства самого Пугачева с горсткой приверженцев в Башкирию Ф. Дербетев возвратился в кочевья оренбургских калмыков. Здесь он надеялся на вербовку новых сторонников, чтобы затем уйти вслед за своим вождем. В погоню за мятежными калмыками подполковник И.Л. Милкович направил отряд пехоты и конницы общей численностью до 200 человек, среди них были и сохранившие верность присяге оренбургские калмыки. Перед командовавшим отрядом обер-офицером стояла задача постараться уговорами привести смутьянов к законному повиновению, а если не удастся — принудить силой оружия. Беглецы были задержаны и приведены в повиновение около Воробьева хутора, где они надеялись переправиться через реку Самару [9].

Потерпев ряд существенных поражений и потеряв только убитыми более пятисот человек, калмыцкие повстанцы возвратились к местам кочевок оренбургских калмыков. Отсюда предводимые своим атаманом Ф. Дербетевым они продолжали нападать на селения по Самарской линии. Усмирение непокорных калмыков было поручено майору К.И. Муфелью. Для ускорения преследования Муфель выделил отряд из 30 драгун и 210 яицких казаков. Командовал отрядом артиллерийский поручик В.С. Байков. 23 мая 1774 г. в бою у речки Грязнухи (приток Большого Иргиза) Байков разбил мятежников и захватил в плен 193 человека. В их числе оказался и сам калмыцкий атаман Ф. Дербетев, который вскоре умер от полученных ран [3, с. 99; 5, с. 7–9].

Крепости по Самарской и Оренбургской пограничным линиям превратились в сборочные пункты для пленных и добровольно сдавшихся ставропольских калмыков. К середине июня 1774 г. их было собрано 3539 человек [10]. После окончания следствия не признанных злостными государственными преступниками ставропольских калмыков отправляли на прежнее поселение в Ставрополь. Здесь они вновь давали присягу на верность Ее Императорскому Величеству и определялись на службу.

Как уже отмечалось, среди рядового и командного состава ставропольских калмыков было немало и тех, кто в силу обстоятельств оказался в осажденном повстанцами Оренбурге и продолжал храбро сражаться на стороне правительства. Родовитые калмыки, отличившиеся в боях с пугачевцами, стали быстро продвигаться по служебной лестнице, получая предпочтение при назначении на командные должности в Ставропольском войске. Быструю, если не сказать, головокружительную карьеру сделал участник обороны Оренбурга Федор Иванович Болоткоев. К 34 годам, всего за семь лет — с 1772 по 1779 гг., — из хорунжего он сумел дослужиться до войскового полковника и присвоения армейского звания секунд-майора [8]. Вторую по значимости должность войскового судьи занимал в 1781 г. Федор Ананба, который, так же как и Болоткоев, в 1773–1774 гг. находился в осажденном повстанцами Пугачева Оренбурге [4]. Геройски действовали против сообщников Пугачева 18 калмыков, переселенных с Сибирской линии в Верхнеозерную крепость. Эта крепость располагалась на правом берегу Яика, в 110 верстах к востоку от Оренбурга. Ее гарнизон, возглавляемый полковником О.Х. Демариным, состоял из 522 гарнизонных солдат и офицеров и 349 человек нерегулярной конницы (казаки, калмыки, башкиры, татары) с 19 пушками. В течение ноября 1773 г. Е.И. Пугачев и его атаманы А.Т. Соколов-Хлопуша и А.А. Бородин-Шара, надеясь на численное превосходство своих войск, предпринимали решительные попытки штурма, но всякий раз натывались на отчаянный отпор защитников крепости. До конца марта 1774 г. Верхнеозерная находилась в полуокружении действовавших вблизи нее башкирских и татарских повстанческих отрядов. В донесениях командования отмечалось, что калмыки «участвовали в вылазках, не жалея себя». В ходе партизанских рейдов их предводитель Шарап Арашиев получил несколько ранений, поймал двух «языков» и отогнал у бунтовавших башкир 400 лошадей. После принятия крещения под именем Василия Алексеева 10 апреля

1775 г. он был определен урядником в укомплектованную калмыками 9-ю роту Оренбургского нерегулярного корпуса [7, с. 253].

Трагическим итогом «пугачевского замешательства» для Ставропольского калмыцкого войска стали невосполнимые людские потери. В 1780 г. войсковое население насчитывало 5854 человека. По сравнению с тем же показателем 1768 г. численность ставропольских калмыков сократилась на 2303 человека, или на 28,23 %. Возвратившимся в ставропольское ведомство калмыкам приходилось практически заново обустроить разоренные в период безвластия хозяйства.

Библиографический список

1. Анучин Д.А. Действия Бибикова в пугачевщину // Русский вестник. 1872. № 8. С. 6–68.
2. Беликов Т.И. Участие калмыков в крестьянской войне 1773–1775 годов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.
3. Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев – сподвижник Е.И. Пугачева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 103 с.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 195.
5. Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Екатерины II 1773–1774 гг. Т. 3. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1884. 418 с.
6. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург: Тургайская областная типография, 1907. 472 с.
7. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. Оренбург: Тургайская областная типография, 1905. 162 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 1. Д. 205. ч. 9. Л. 1.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Л. 346–348об.
10. Сергеева В.М. Ставрополь и восстание Пугачева. URL: <http://www.gorod63.ru/page/tlthistory/vostpugachev>.
11. Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий ин-т. общественных наук, 1992. 320 с.

*S.V. Dzhundzhuzov**

«PUGACHEV CONFUSION» AND STAVROPOL KALMYK ARMY

In the article the author considers the influence of Pugachev rebellion (1773–1774) on Stavropol Kalmyk army and proves that in this internecine war there was no clear class division among Kalmyks. The irretrievable loss of life and ruined economy became a tragic result of «Pugachev confusion» for the Stavropol Kalmyk army.

Key words: Stavropol Kalmyk army, Pugachev rebellion, irretrievable loss of life.

* *Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich* (djund@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, 460844, Russian Federation.